

УДК 801.733: 82.161.1(091)-1"19"

ЧЕМ ДЫШИТ ГАДЮКА И ЗАЧЕМ КИДАЕТСЯ ВОЛКОДАВ: О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНИКИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ИНТЕРФЕРЕНЦИЙ К РАСШИФРОВКЕ «ТЕМНЫХ МЕСТ» В ТЕКСТАХ О.МАНДЕЛЬШТАМА

Лев Рафаилович Городецкий

докторант Института высших гуманитарных исследований

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, ул. Чайнова, 15 levgorod@mtu-net.ru

В статье приводится статистика явлений межъязыковой интерференции в текстах О.Мандельштама и доказывается, что учет феномена межъязыковой интерференции является одним из самых важных инструментов, которыми должен владеть исследователь для адекватного комментария текстов Мандельштама. Приводятся примеры использования этого инструмента для дешифровки «темных мест» в тексте поэта.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, комментарий, дешифровка, текст Мандельштама.

*Необходимо создать
новый комментарий к Данту,
обращенный лицом в будущее...*

О.Мандельштам,
набросок к «Разговору о Данте»

Специфическим и даже уникальным явлением в дискурсе Мандельштама, которое до недавнего времени в целом игнорировалось, является **массовое** присутствие в его текстах «иноязычных интерференций»¹, – в основном, «германизмов», понимаемых в широком смысле (т. е. включающих немецкие диалектизмы и идишизмы). Присутствие это чаще всего не эксплицитное, а как бы «просвечивающее», «суггестируемое», что и послужило, видимо, причиной оставления этих явлений в тени, хотя отдельные факты в этой сфере регистрировались исследователями еще с конца 60-х.

Идишизмы до недавнего времени вообще практически не отмечались², хотя собственно иудейские и еврейские реалии в последние десятилетия всё в большей степени учитывались исследователями. При этом установлено, что в текстах Осипа Мандельштама присутствует (по очень грубой оценке) около 700 «германских» интерференций, из которых ~ 200 «чисто немецких», ~ 100 «чисто идишских», и ~ 400 «равновесно» немецко-идишских³.

Становится ясно, что «межъязыковой интерференционный ключ» (т. е. учет феномена межъязыковой интерференции⁴) является одним из

самых важных инструментов в «наборе отмычек», которым должен владеть исследователь и просто квалифицированный читатель для адекватного комментария (часто просто для дешифровки) «темных мест» в текстах Мандельштама. Во избежание недоразумений следует подчеркнуть, что в ряде ситуаций «интерференционный ключ» не дает полной расшифровки «темного места», но зато «наводит» на совершенно неожиданную релевантную «**правдоподобную гипотезу**», которая, в идеальном случае, должна быть на следующем шаге дополнительно аргументирована.

Приведем два нарочито простых примера, где применение аппарата анализа «суггестируемых германо-идишизмов» немедленно и существенно улучшает понимание (или просто «дает понимание») темных мест в тексте Мандельштама.

1. Загадочная «гадючья строка» в «программном» стихотворении «Век» (1922).

Рассмотрим 3-е восьмистишие этого стихотворения:

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.
Это век волну колышет
Человеческой тоской,
**И в траве гадюка дышит
Мерой века золотой.**

**Городецкий Л.Р. ЧЕМ ДЫШИТ ГАДЮКА И ЗАЧЕМ КИДАЕТСЯ ВОЛКОДАВ:
О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНИКИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ИНТЕРФЕРЕНЦИЙ К РАСШИФРОВКЕ
«ТЕМНЫХ МЕСТ» В ТЕКСТАХ О.МАНДЕЛЬШТАМА**

Смысл «золотой меры века» можно извлечь из других текстов Мандельштама (что мы и сделаем ниже), но причем тут «гадюка в траве», да еще дышащая чем-то валютно-финансовым, остается совершенно непонятным.

Применим «интерференционный ключ».

Первый шаг.

Приведем вспомогательную информацию о «просвечивающем» в ряде текстов Мандельштама «идишизме» Y[groz, grozn] = ‘травянистое растение), травы’. Это один из немногих «чистых»⁵ идишизмов у Мандельштама.

Вот примеры этой «суггестии» в его текстах:

(а) стих. «К немецкой речи» (1932): «Поэзия, тебе полезны **грозы!** / Я **вспоминаю** немца-офицера, / И за эфес его цеплялись розы, / И на губах его была **Церера...**».

В этой строфе имеются следующие суггестивно-ассоциативные связи:

ГРОЗЫ **Вà** Y[groz] ‘травя, растение’ **à** (второй) смысл: «тебе полезны травы, растения...»⁶

ГРОЗЫ **Вà** Y[groz] ‘травя, растение’ **à** «растение, рост» **à** (асс.) «узнавание, вспоминание» **à** (асс.)⁷ **ВСПОМИНАЮ**

(б) «Путешествие в Армению» (1931-1932), гл. «Москва»: «**Растение...** Оно – посланник живой **грозы**»; «**грозовое** явление турнира... Фигуры шахмат **растут...** процесс **узнавания**, увенчанный победой усилия памяти, удивительно схож с феноменом **роста**. И здесь и там – **росток**, зачаток...»

(в) <Вокруг «Путешествия в Армению»> (1931-1932), гл. «Франсузы»: «Роскошные плотные сирени Иль-де-Франс, ... сложившиеся в **грозную** лепестковую **массу...** горели на стене [тысячеглазой] **самодышащей** купиной».

(г) «Эта область в темноводье...» (1936): «Хляби хлеба, **гроз** ведро⁸... Солнц подсолнечника **грозных...**» Очевидно, что здесь тот же образ, что и в предыдущем пункте: **грозная** плотная **дышащая масса** (лепестков, семян подсолнуха и т.д.).

(г) «Если б меня наши враги взяли...» (1937): «Прошелестит спелой **грозой** Ленин». Здесь слова **прошелестит**, **спелой** немедленно вбрасывают ассоциацию с **растением** (злаком)⁹.

Второй шаг.

В 1922 г. московское издательство «Дельфин» выпустило книгу профессора Московского университета, известного историка Роберта Виппера «Иван Грозный». Эта небольшая «научно-популярная» книжка привлекала внимание нетрадиционной трактовкой личности и деятельности Грозного, точнее, «разоблачением мифа» об Иване Грозном, которого западноевропейские и

русские «либеральные» историки (и вообще, «либеральная» интеллигенция) привыкли изображать в виде театрального тирана, какого-то «исчадия ада» в русской и всемирной истории.

Автор аргументирует совершенно противоположное представление о Грозном как о «монархе-народолюбце», «сближавшемся с низшими классами», как о «**гениальном**» политике, дипломате и полководце, «**гениальном организаторе и вожде** крупнейшей державы своего времени» [Виппер 1922: 21].

Книжка, производящая, при достаточной доле академичности, впечатление «заказанной» кем-то из советских «вождей»¹⁰, неизбежно должна была привлечь внимание Мандельштама¹¹, хотя бы потому, что именно в период 1922-1923 гг. Мандельштам особенно интенсивно (часто даже мучительно) рефлексировал на «историко-социологические» темы и на тему своей идентичности: социологической, культурно-цивилизационной, национальной и т. п.¹²

Держа (по вышеуказанным причинам) в «оперативной памяти» текст Виппера, Мандельштам «вшифровывает» фамилию автора и название книги в создаваемый им в этот момент текст, т. е. в стихотворение «Век». Посмотрим подробнее:

(а) ГАДЮКА = Viper¹³ ‘гадюка’ **Вà** (пароним) **Виппер**

(б) И В ТРАВЕ **à** Y[grozn] ‘травы’ **à** (пароним) **Ив-ан Грозный**

(в) МЕРОЙ ВЕК-А (Mass ‘мера, мерило’ **Вà** Masse ‘масса’). Если подставить в сочетании МЕРОЙ ВЕК-А вместо слова (МЕРОЙ) основу (**масс-**), то суггестируются слово МАССО-ВИК и сочетание ЧЕЛО-ВЕК-МАССА (= нем. Masse-Mensch), использованные Мандельштамом в статье «Революционер в театре» [Мандельштам 1993-1999: 2, 283-285], которая писалась в конце 1922 г. В этой статье Мандельштам пишет¹⁴: «Протагонист драмы, так называемый Безымянный, он же “Masse-Mensch”, или МАССОВИК...». Далее в этой же статье: «Он [Толлер – Л.Г.] с необычайной силой столкнул два начала: лучшее, что есть у старого мира – гуманизм и, **преодолевший гуманизм ради действия, новый коллективистический императив**». Из этих рассуждений ясно, что МЕРА ВЕКА здесь – это «пульс толпы», соотношение всего с «массовиком, человеком толпы». Этот «массовик» опасен, **грозен**, ср вышеупомянутые сирени, «сложившиеся в **грозную** лепестковую **массу**», которые «горели на стене... **самодышащей** купиной»¹⁵ (Первый шаг, пункт «в»).

(г) МЕРОЙ ВЕКА ЗОЛОТОЙ – в предисловии 1923–1924 г. к пьесе Ж.Ромэна «Кромдейр-старый» Мандельштам пишет об унанимистах

**Городецкий Л.Р. ЧЕМ ДЫШИТ ГАДЮКА И ЗАЧЕМ КИДАЕТСЯ ВОЛКОДАВ:
О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНИКИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ИНТЕРФЕРЕНЦИЙ К РАСШИФРОВКЕ
«ТЕМНЫХ МЕСТ» В ТЕКСТАХ О.МАНДЕЛЬШТАМА**

(см. след. пункт): «...героическая ласка к человеку толпы... правильный путь: здоровая раса труда... **“Кто-нибудь”, “один из многих” стал мерой вещей, золотой мерой века, источником ритма и силы**» [Мандельштам 1993-1999: 2, 416-417]. С другой стороны, в статье «Гуманизм и современность» (январь 1923 г.) Мандельштам пишет: «Гуманистические ценности... как **золотой запас**... обеспечивают всё идейное обращение современной Европы» [Мандельштам 1993-1999: Т. 2, С. 288].

(д) ДЫШИТ – в этом же тексте «Ж.Ромэн. Кромдейр-старый» Мандельштам пишет о французской литературной школе унаимистов: «Раскрыв смысл французского наименования школы¹⁶, получим: поэзия **массового дыхания**, поэзия **коллективной души**» [Мандельштам 1993-1999: Т. 2, С. 415].

Суммируя рассуждения (а) – (д), мы видим, что в «гадючью строку» вставлены историсофские размышления Мандельштама о «пульсе толпы», о «человеке массы», о конфликте «коллектив vs. индивидуум», о конфликте идеологом «преодоление гуманизма ради действия», «новый **коллективистический императив**» и «**золотой запас** гуманистических идей, обеспечивающий идейное обращение современной Европы» и т. д.

Тем самым, несколько огрубляя, дешифрующий «перевод гадючьей строки на обычный язык» выглядит так: РАБОТА ИСТОРИКА ВИППЕРА «ИВАН ГРОЗНЫЙ» ПРОНИЗАН ИДЕОЛОГИЕЙ «КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА» («преодоления гуманизма ради действия»).

Некоторую более сложную вариацию этого смысла можно попытаться уловить, рассмотрев пассаж из уже упоминавшегося предисловия Мандельштама к пьесе Ж.Ромэна «Кромдейр-старый» [Мандельштам 1993-1999: 2, 417]: «Всего меньше современная Франция оставляет места для **народнических** иллюзий. Исторический характер французского крестьянства способен служить пугалом для **социалистически настроенного горожанина**¹⁷». Но «человек толпы» у Ромэна – это не совсем **французский** крестьянин, и Мандельштам продолжает: «...он [Ромэн] придумывает для него [места действия пьесы] этнографию... столь же фантастическую, как этнография шекспировской Польши или **Московии**».

Появление в этом месте мандельштамовского текста выражения «этнография шекспировской Московии» (а ведь эта «этнография» есть не что иное как русский крестьянин при ИВАНЕ ГРОЗНОМ) можно объяснить только актуально-

стью образа Грозного для Мандельштама в это время¹⁸ и тем, что в его представлении в момент создания текста образы Ивана-крестьянина и Ивана-царя «склеены». Получается, что ИВАН ГРОЗНЫЙ, которого все боятся – это не царь, это грозный русский Иван = французский Jean le Terrible = крестьянин, враг города, пугало для социалистически настроенного горожанина и **одновременно** человек народной толпы, «человек-масса».

Поэтому упомянутая вариация «перевода гадючьей строки на обычный язык» выглядит так: РАБОТА ИСТОРИКА ВИППЕРА «ИВАН ГРОЗНЫЙ», ПРОНИЗАННАЯ ИДЕОЛОГИЕЙ «КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА», ДЫШИТ УГРОЗОЙ СО СТОРОНЫ ЧЕЛОВЕКА ТОЛПЫ, СТРАХОМ ПЕРЕД НИМ И СТРАХОМ ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ «ВЕКА ИВАНА ГРОЗНОГО».

Для полноты картины приведем еще несколько интересных историсофских «точек совпадения» книги Виппера и размышлений Мандельштама в 1922 г. Виппер сравнивает Россию Грозного с **Ассирией** и другими древневосточными империями: «Военные громады, управляемые **гениальными** вождями вроде Чингис-хана и Тимура, перенимали технику и уставы старинных **вавилонских** царей... В Москве 15-16 веков нас поражает еще одна черта государственной техники, напоминающая приемы древневосточных держав. Подобно завоевателям **ассирийским** и персидским, московские строители имели обыкновение подготавливать занятие новой территории постройкой **грозной крепости** на краю границы. ...обычай Востока... беспощадно истребляли правящие государи своих ближайших родственников» [Виппер 1922: 15-16]. «В Москве старались закреплять акты государственной жизни подробными и точными протоколами... Как всё это **напоминает практику древнеперсидского** государства!» [там же: 25]. «Параграф о вдовых боярынях напоминает... статью судебного **Хаммураби**» [там же: 39]. «Иван III... переселяет, на манер **Сеннахериба** или **Навуходоносора**, пленных ливонцев в глубь Московии» [там же: 44].

Мандельштам явно был с этими пассажами знаком, в статье «Девятнадцатый век»¹⁹ он пишет: «В жилах нашего столетия течет тяжелая кровь чрезвычайно отдаленных **монументальных** [ср. «кровь-строительница» в «Веке» – Л.Г.] культур, быть может, египетской или **ассирийской**...» [Мандельштам 1993-1999: 2, 264].

Далее в тексте этой же статьи Мандельштама содержится скрытая аллюзия на Грозного: «В

**Городецкий Л.Р. ЧЕМ ДЫШИТ ГАДЮКА И ЗАЧЕМ КИДАЕТСЯ ВОЛКОДАВ:
О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНИКИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ИНТЕРФЕРЕНЦИЙ К РАСШИФРОВКЕ
«ТЕМНЫХ МЕСТ» В ТЕКСТАХ О.МАНДЕЛЬШТАМА**

отношении к этому новому веку, ОГРОМНОМУ²⁰ и жестоковейному, мы являемся колонизаторами...» Через два месяца (январь 1923 г.) Мандельштам использует эту же связь в уже упоминавшейся статье «Гуманизм и современность»: «ассирийские пленники... под ногами ОГРОМНОГО²¹ царя».

В октябре-ноябре 1922 г. Мандельштам пишет известные строки: «Ветер нам утешенье принес, / И в лазури почуяли мы / **Ассирийские** крылья стрекоз, / Переборы коленчатой [ср. «дней колена» в «Веке» – Л.Г.] тьмы».

Но не только в Ассирии дело. Текст Виппера насыщен идеологией «счета пульса толпы»²² (разумеется, пульса, хорошо ощущаемого «гениальным вождем!»). Это резко резонирует с внутренними ощущениями Мандельштама в то время, – в 1928 г. он пишет, отвечая на журнальную анкету: «Октябрьская революция... отняла у меня... ощущение личной значимости» [Мандельштам 1993-1999: 2, 496].

Виппер говорит о «демократической монархии», «монархе-народолюбце», «сближении носителя верховной власти с низшими классами»²³, о «тирании одного-единственного» [Виппер 1922: 12]. Он говорит, что «положение государя, который решил бы устремиться в **народническую** политику, крайне рискованно. Чтобы вступить на такой путь, нужен человек **гениальной дерзости**²⁴; предприятие его будет по неизбежности граничить с преступлением... тирания “народолюбца” должна направиться в первую очередь на дворянство, на завоеванную и закрепленную им конституционную свободу... публицистам, защищающим закон и право, нетрудно будет осудить его, представить исчадием ада...» Виппер называет Грозного «**гениальным организатором и вождем** крупнейшей державы своего времени».

Виппер также высказывает удивительные оценки реформ Грозного: «...решено произвести обмер земель и **уравнять** поместья..., а излишки разделить неимущим... Нас поражают **самодержавно-коммунистические выражения**, которые применяет летописец» [Виппер 1922: 50]. «Это... старинная уверенная **система просвещенной восточной монархии... народнический характер** Московской военной монархии» [там же: 81]. Виппер также говорит о том, что раньше историки говорили про **права человека**, но надо вспомнить об исторической полезности, о **политической гениальности** Грозного.

Лексика паразитически напоминает более поздние тексты «сталинского» времени: «встает во весь рост **могучая фигура повелителя народов**», «мощная и передовая **светская** власть...

опричина – военная реформа, вызванная опытом труднейшей войны» [там же: 52-53], «**оппозиционеру-изменнику** [Курбскому] Иван Грозный с искусством демагога [т. е. народного вождя – Л.Г.] противопоставляет **народническое** направление» [там же: 58], «**совет всей земли, ...совет** высшей иерархии, **...всенародный** характер собрания...» [там же: 61], «сознавая в себе **мастера...** правительственного дела...» [там же: 72], «**...гениальный** дипломатический ход» [там же: 101]. Но ведь это только 1922 год!

Напомним, что, кроме Мандельштама, по видимому, еще один человек внимательно читал труд профессора Виппера. Это И.В.Сталин.

2. Происхождение «волкодава» в цикле «Волк».

В первой строке рассматриваемого стихотворения «Век» возникает «зверь» – это, собственно, и есть образ «века»: «Век мой, зверь мой, кто сумеет...» В знаменитом цикле стихотворений «Волк» (1931-1935) этот непонятный зверь превращается в «волкодава», который зачем-то «кидается» на плечи (или, как вариант – на шею) автору.

Продемонстрируем, что самый поверхностный учет «германских интерференций» позволит реконструировать «прозаический» подтекст этого поэтического образа у Мандельштама и понять происхождение и цели «волкодава». Рассмотрим строфы из «Волка», в которых возникают образы волка и волкодава:

Мне на плечи²⁵ кидается век-волкодав,

Но не волк я по крови своей:

Запихай меня лучше, как шапку, в рукав

Жаркой шубы сибирских степей <...>

Уведи меня в ночь, где течет Енисей

И сосна до звезды достает,

Потому что не волк я по крови своей

И меня только равный убьет.²⁶

Покажем, что в подтексте первой строки – образ казачьего сотника, пахнущего собакой и волком, в бурке (накинутой на плечи!) из главы «Бармы закона» в очерке «Феодосия» (1923): «...по улицам ходили циклопы в черных бурках, сотники, пахнущие собакой и волком <...> заряженные лисьим электричеством здоровья и молодости. На иных людей возможность безнаказанного убийства действует, как свежая нарзанная ванна...»

Дело здесь в том, что СОТНИК суггерирует понятие ‘сотня’, которое, в свою очередь, актуализируют в «языковом сознании» автора немецкое Hundert ‘сто’ и фонетически и семантически идентичное ему идишское Y[hundert].

**Городецкий Л.Р. ЧЕМ ДЫШИТ ГАДЮКА И ЗАЧЕМ КИДАЕТСЯ ВОЛКОДАВ:
О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНИКИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ИНТЕРФЕРЕНЦИЙ К РАСШИФРОВКЕ
«ТЕМНЫХ МЕСТ» В ТЕКСТАХ О.МАНДЕЛЬШТАМА**

Эти «германские» слова, в свою очередь, паронимически актуализируют Jahrhundert ‘век’ и равное ему идишское Y[*yorhundert*] ‘век’. Тем самым, образ сотника имплицитно образ «века» и слово ВЕК. Но слова Hundert и Y[*hundert*], кроме того, паронимически суггестируют Hund, т. е. немецкую ‘собаку’, равную идишской ‘собаке’ Y[*hund*]. Значит, и слово ВЕК имплицитно «собаку»²⁷.

Далее, феодосийский «сотник» пахнет «собакой + волком». Собака + волк в «интерферирующем» в данный момент языке – это (Wolf + Hund) в немецком, или [*volf + hund*] в идише. Значение же получающегося немецкого сложного слова Wolfshund (а равно и идишского Y[*volfhund*]) – это именно ‘ВОЛКОДАВ’! Тем самым, «сотник, пахнувший собакой и волком» – это «ВЕК-ВОЛКОДАВ».

Но даже бурка этого нехорошо для автора пахнувшего казачьего офицера тоже «работает» на индуцируемый подтекстом смысл стихотворной строки. Ведь бурка накидывается на плечи – в точности как ВЕК-ВОЛКОДАВ (или векягуар!) кидается на плечи героя стихотворения «Волк». Отметим, что глагол «кидается» может иметь как активный («сам кидается»), так и пассивный («его кидают») смысл.

Наконец, накидываемая ЧЕРНАЯ БУРКА суггестирует «чернобурку», т. е. лисью шубу или **накидывающуюся на шею**²⁸ и на плечи (по тогдашней женской моде) лису. Из лисьей же шубы возникает «ЛИСЬЕ электричество», которым были заряжены сотники в прозаическом подтексте, и «жаркая ШУБА сибирских степей» в стихотворении.

Тем самым, мы получаем полное соответствие между прозаическим отрезком из «Феодосии» и строфой из «Волка».

Это соответствие подсказывает другой, как представляется, более правильный²⁹, по сравнению с «принятым», смысл этой строфы: ВЕК-ВОЛКОДАВ, как БУРКА на СОТНИКА, кидается (или кем-то накидывается) не с целью убить, загрызть и т. п., но с целью «дружить» (или согреть), как на своего, обладающего идентичным «волчье-собачьим» запахом, как кидаются своему на плечи (или на шею: см. вариант).

Но автор не хочет «дружить» с веком-собакой-сотником-убийцей³⁰, хочет избежать этой дружбы (или тепла от соответствующей шубы), – отсюда пожелание «запахай меня **лучше** как шапку в рукав...». Ясно, что эта просьба обращена не к тому, кто хочет автора загрызть (в этом случае, совсем неуместно выглядело бы слово-пожелание «лучше»), но к кому-то, напрашивающемуся автору в друзья...³¹

Этот пример достаточно хорошо показывает, как предлагаемый нами лингвистический «интерференционный» комментарий к текстам Мандельштама коррелирует со ставшим уже традиционным подтекстным комментарием.

¹ Межъязыковой (иноязычной) интерференцией мы называем суггестирование (или эксплицитный вброс) в тексте иноязычного слова (лексема, сочетания, отрезка текста и т.п.), которое своим семантическим полем вторгается в языковое сознание реципиента текста (читателя, слушателя и т.п.) и модифицирует семантику текста (точнее, ее восприятие реципиентом). Но проще, вместо утомительных психолингвистических дефиниций, дать «иллюстративное» определение этого феномена: «иноязычная интерференция» в тексте Мандельштама – это ситуация типа: «**есть блуд труда, и он у нас в крови**» (немецкая интерференция), или: «**Два карлика построили шалаш / Для ритуала, для раввинских каш**» (идишская интерференция) и т.д.

² Один «идишизм» был зарегистрирован Р.Тименчиком в работе начала 90-х гг.

³ Относительно полный корпус «германизмов» в текстах Мандельштама содержится в Приложениях к монографии [Городецкий 2008].

⁴ Имеются в виду все «иноязычные интерференции», т. е. не только «германские», но на 6-7 языках, в разной степени использовавшихся Мандельштамом в качестве «языка-посредника»: при этом «германские интерференции» – просто наиболее массовое явление.

⁵ Из приводимых ниже примеров, очевидно, что соответствующая немецкая лексема Gras/Gräser ‘трава (злак, травяное растение), травы (злаки, травяные растения)’ – фонетически значительно менее вероятна.

⁶ Например, те полезные «ночные травы», которые Мандельштам собирал «для племени чужого» в стих. «1 января 1924 г.». Существенно, что далее в обсуждаемой строфе присутствуют «растительные» образы: «цеплялись розы» и «была Церера» (Церера – богиня растительности).

⁷ Здесь дело в том, что ситуация «**вспоминания = узнавания**» у Мандельштама связана с концептом «**роста**»/«**растения**». Ср. ниже в «Путешествии в Армению»: «...ведь процесс **узнавания, увенчанный победой усилия памяти** [т. е. воспоминанием – Л.Г.], удивительно схож с феноменом **роста**».

⁸ Здесь, разумеется, «рутинный» для Мандельштама двойной смысл: (1) оксюморон **гроза/вЕдро**, (2) ведро как символ большого количества (**массы**) чего-то **растительного** – зерна

Городецкий Л.Р. ЧЕМ ДЫШИТ ГАДЮКА И ЗАЧЕМ КИДАЕТСЯ ВОЛКОДАВ:
О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНИКИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ИНТЕРФЕРЕНЦИЙ К РАСШИФРОВКЕ
«ТЕМНЫХ МЕСТ» В ТЕКСТАХ О.МАНДЕЛЬШТАМА

(«хляби хлеба»), подсолнухов, просто травы и т.п.

⁹ Даже слово **Ленин** по русско-немецкой паронимии (Lein, leinen = 'лён, льняной') суггестивует растение (лён). Отметим, что в предыдущих строках этого стихотворения задается контекст «жатвы»: «Я **запрягу** десять волов... И поведу руку во тьме **плугом**... Я упаду тяжестью всей **жатвы, Сжатостью** всей...»

¹⁰ Вот только кем? Если бы дата выхода книги была на несколько лет позже, ответ был бы однозначен: И.Сталин. Но Сталин в 1922 г. был еще не у власти и вряд ли мог делать подобные заказы. Он, конечно, обратил внимание на книжку и запомнил автора. После присоединения Латвии к СССР, Р.Виппера переводят из Риги (куда он почему-то переместился в 1924 г.) в Москву, выбирают в академики, а его книжку в 1944 г. переиздают с соответствующими добавлениями и делают «каноническим» трудом по Ивану Грозному. Но в 1922 г. на роль «гениального вождя, полководца и дипломата» реальнее всех претендовал Л.Троцкий. Поэтому рискну высказать гипотезу, что «заказчиком» реабилитирующего Ивана Грозного академического труда был именно Троцкий (или его аппарат). Известно, что Троцкий уделял большое внимание манипулированию печатными изданиями с целью, например, создания **нужного** впечатления на Западе. В июле того же 1922 г. Троцкий «вынес резолюцию: “Поручить Правде мягкую статью о художнике Горьком”, которого в политике никто всерьез не берет; статью опубликовать на иностранных языках» [Шенталинский 2009: 440]. Этот сюжет требует специального исследования.

¹¹ Мы можем с достаточной уверенностью считать, что Мандельштам успел познакомиться с трудом Р.Виппера: стихотворение «Век» создавалось в октябре-ноябре 1922 г.

¹² Это утверждение требует развернутой аргументации. Я здесь, за неимением места, просто сошлюсь на множество текстов Мандельштама этого периода, явно или неявно обсуждающих упомянутую тематику. К соответствующим поэтическим текстам относятся, например, почти все стихотворения 1922 г., включая рассматриваемое стихотворение «Век». См. несколько подробнее на эту тему нашу статью [Городецкий 2009].

¹³ Здесь могут «играть» и фр. vipère и лат. vipera (прародительница «гадок» во всех зап.-евр. языках). Но немецкая «гадюка», по совокупности причин, значительно более вероятна.

¹⁴ О пьесе Эрнста Толлера «Masse-Mensch» («Человек-масса»), которую Мандельштам перевел в 1922 г.

¹⁵ Этот отрезок текста, а также следующий пункт (Первый шаг, пункт «г») с образом «**грозных** подсолнухов», ясно показывает, что в языковом сознании Мандельштама концепт **массы** был связан с концептом **угрозы** и с образом **Ивана Грозного**.

¹⁶ uia = лат. 'вместе, одна', anima = лат. 'дыхание, душа'.

¹⁷ Не себя ли, «горожанина и друга горожан», имеет здесь в виду Мандельштам?

¹⁸ Еще одно свидетельство актуальности образа Грозного для Мандельштама в это время находим в его очерке «Сухаревка» (1923): «...площадь пустеет с той истерической поспешностью, с какой пустели бревенчатые мосты, когда по ним проходила **колючая метла страха**» – явный образ опричников Грозного.

¹⁹ Время написания статьи: конец лета – октябрь 1922 г.

²⁰ gross 'огромный', grass 'ужасный' **à** (пароним) Грозный.

²¹ снова gross **à** Грозный.

²² Мандельштам напишет через 11 лет: «...считали пульс толпы и верили толпе...»

²³ Ср. у него же в другом месте [Виппер 1922: 36]: «...демократизм, внимание к простому люду, к низшим слоям народа».

²⁴ Ср. у Мандельштама в стих. «Сумерки свободы» (1918): «Прославим роковое бремя, / Которое в слезах **народный вождь** берет. / Прославим власти сумрачное бремя, / Ее невыносимый гнет».

²⁵ Вариант: «Мне на шею».

²⁶ Вариант: «И во мне человек не умрет».

²⁷ Здесь еще следует отметить, что кроме «собаки» в суггестируемой словом Jahrhundert картинке возникает и «ягуар» (Jaguar **В** Jahr), архетип гибкого, прыгучего, опасного зверя – «стандартного» образа века у Мандельштама. Ср. в его предисловии к переводу романа «Тудиш»: «...последнего **прыжка**, когда-то **гибкого**, восемнадцатого века, который, как **зверь** с раздробленными лапами, упал на подмостки новой эры» [Мандельштам 1993-1999: 2, 427]. Получается картинка: век-**зверь** неудачно **прыгнул, упал** и получил смертельную травму: ср. обращенные к «веку-зверю» последние строки того же «Века»: «Льется, льется безразличие / На **смертельный твой ушиб**».

²⁸ Напомним вариант: «Мне **на шею** кидается...»

²⁹ Принято считать, что здесь агрессивный «век» кидается на автора с целью убить, разорвать горло и т. п.

³⁰ Не хочет даже касаться его – любой физический контакт с собакой был для Мандельштама

**Городецкий Л.Р. ЧЕМ ДЫШИТ ГАДЮКА И ЗАЧЕМ КИДАЕТСЯ ВОЛКОДАВ:
О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНИКИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ИНТЕРФЕРЕНЦИЙ К РАСШИФРОВКЕ
«ТЕМНЫХ МЕСТ» В ТЕКСТАХ О.МАНДЕЛЬШТАМА**

ма неприемлем: прямо по Талмуду! А.Ахматова говорила Л.Чуковской в 1940 г.: «Он ведь был странный: не мог **дотронуться** ни до кошки, ни до **собаки...**» [цит. по: Лекманов 2004: 104].

³¹ О.Лекманов приходит, кажется, к аналогичному пониманию смысла этой строфы, опираясь на последующую строку «Потому что не волк я по крови своей» и на само-сравнение Мандельштама с Маугли в «Путешествии в Армению»: «...обучит меня, как мальчика Маугли из джунглей Кипплинга...» Лекманов пишет: «В стихотворении “За гремучую доблесть грядущих веков...” он [Мандельштам], обыгрывая ключевую фразу кипплинговской сказки (“Мы с тобой одной крови – ты и я”), подобно Маугли, отказывается от своего “волчьего” прошлого ради “человечьего” настоящего <...> Но современникам было легче представить себе Мандельштама как раз в образе загнанного в угол зверя» [Лекманов 2004: 138]. Мне всё же представляется, что лингвистические

рассмотрения типа приведенных выше надежнее обосновывают «смысловые» выводы, как в этом случае, так и в ряде других.

Список литературы

Vinper P. Иван Грозный. М.: Дельфин, 1922. 126 с.

Городецкий Л. Текст и мир на листе Мёбиуса: языковая геометрия Осипа Мандельштама vs. еврейская цивилизация. М.: Таргум, 2008. 344 с

Городецкий Л. Двурушник я с двойной душой... // Вопросы литературы. № 5. 2009. С. 152-166.

Лекманов О. Осип Мандельштам. М.: Мол. гвардия, 2004. 256 с.

Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993-1999.

Шенталинский В. Рабы свободы. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 588 с.

**VIPER AND WOLFHOUND LINES OF “THE AGE”:
ON THE INTERLINGUAL INTERFERENCE TECHNIQUE IN DESIPHERING
OF “BLANK SPOTS” OF O.MANDELSTAM’S TEXTS**

Lev R. Gorodetsky

Doctorant

Russian State University for the Humanities, Moscow

The main thesis, stated in the article is that the “employment” of the phenomenon of “interlingual interference” in Ossip Mandelstam’s creative works is one of the most effective “deciphering” instruments for researchers and commentators working with Mandelstam’s texts. Examples and relevant statistics are also given.

Key words: interlingual interference; commentary; deciphering; Mandelstam’s text.